

Еще о проблеме престолонаследия в современной России

Возможность реставрации монархии как одна из реальных перспектив политического развития современной России обострила не только теоретические дискуссии по поводу юридических оснований возможного престолонаследия. Став (как и исторические династии многих других восточноевропейских стран - Болгарии, Румынии, Югославии) одним из реальных факторов современной политической жизни страны, Российский Императорский Дом должен был на себе испытать и испытал обычные для нынешней России не слишком чистые методы политической полемики.

Нам трудно судить о степени влияния монархических идей на современное русское общество. Несомненно, убежденные сторонники монархии составляют пока явное меньшинство, но столь же явное меньшинство составляют и принципиальные противники восстановления Российской Империи. "Народ безмолвствует", но это молчание скорее благожелательно-выжидательное; уставший от бесконечных выборов народ с любопытством ждет, что там решат "бояре", и явно готов принять государя как надежду на выход страны из многолетней смуты.

Именно абсолютная реальность этого варианта заставляет влиятельные круги (самой различной ориентации) яростно атаковать тех, кто на протяжении многих десятилетий самим своим существованием олицетворяет монархическую идею. Одно дело - общие рассуждения о достоинствах и недостатках монархии, совсем другое - присутствие среди нас тех, кто по законам Российской Империи должен был бы царствовать в нашей стране, если бы...

Забавно наблюдать, как само по себе это обстоятельство чрезвычайно раздражает и убежденных республиканцев, и тех "патриотов", кто выступает за "выбор монарха" своеобразной коллегией выборщиков - на так называемом "Земском соборе" (неясно, правда, предусмотрена ли при этом процедура импичмента; когда-то польский посол пан Гарабурда говорил Ивану Грозному: "то был совсем дрянной король... мы рукой махнули и выбрали другого"; а между тем наш скромный опыт свободных выборов главы государства мог бы заставить всерьез задуматься).

Большевики в свое время пытались решить "династическую проблему" радикально (в Екатеринбурге, Алапаевске, Перми, Петропавловской крепости, где были расстреляны или брошены живыми в шахту оказавшиеся в руках "рабоче-крестьянского" правительства члены династии). Но не вышло. Многие Романовы оказались в эмиграции, и старший в роде, Великий Князь Кирилл Владимирович, отказавшись поднять упавшее знамя Империи (любопытно, что тогдашнее ГПУ, активно работавшее среди эмиграции, через своих агентов поддерживало другого, нелегитимного, претендента на престол - Великого Князя Николая Николаевича, бывшего верховного главнокомандующего; наши читатели могут вспомнить советский историко-революционный сериал "Операция «Трест»").

Времена изменились, и любимым (увы, не единственным) оружием в современной политической борьбе стал пресловутый "компромат", собираемый как на самого политического противника, так и на его близких и дальних родственников. Любопытно наблюдать, как этот милый сердцу современных политиков метод используется при описании событий и лиц, весьма от нас далеких.

В дискуссии по династическим проблемам, которая ведется вот уже несколько лет и в прессе, и на телевидении, и на различных (порой весьма опереточных) "монархических совещаниях", и даже на научных конференциях, порой используются научные аргументы, исторические факты, архивные документы. Но в основе всех этих дискуссий - противостояние двух основных идей. С одной стороны - те, кто считает, что независимо от нынешнего и прошлого политического устройства страны по отношению к членам династии Романовых действует закон о престолонаследии, четко определяющий, кто именно является Главой Российского Императорского Дома. Тот самый закон о престолонаследии, утвержденный Императором Павлом I после его коронации 200 лет назад, 5(16) апреля 1797 г., навсегда поставивший право престолонаследия даже "выше воли Монаршей". Те, кто поддерживает "кирилловскую" ветвь Романовых, старшую ветвь Российского Императорского Дома и единственную, сохраняющую в настоящее время династические права, находятся в довольно выигрышном положении. С 1924 г., когда Великий Князь Кирилл Владимирович в изгнании принял императорский титул, и практически до конца 1980-х гг. никто никогда всерьез не оспаривал несомненное для современников право Кирилла и его сына на династическое старшинство. Младшие Романовы (пока они были; пока существовали другие линии династии, сохранявшие династические права) признавали Кирилла, а с 1938 г. - Великого Князя Владимира Кирилловича своим главой, испрашивали от них титулы для своих морганатических супругов и детей от этих "неравнородных" браков. Переход династического старшинства от Великого Князя Владимира к его дочери Марии и ее потомству вызвал раздражение потомков Романовых от морганатических браков, но кто же мог принимать всерьез претензии этих лиц на то, чтобы говорить от имени династии? В Европе, да и в России, знали только

одну семью, олицетворяющую Российский Императорский Дом; именно с ней поддерживали и поддерживают отношения европейские монархи; именно ее в течение многих десятилетий благословляла и Русская Зарубежная Православная Церковь. И что самое главное, ее права опираются на предельно четкие и ясные указания Закона о престолонаследии.

В течение нескольких лет, однако, мы являемся свидетелями ожесточенной пропагандистской кампании, направленной против нынешних представителей династии, кампании, в которой нередко используются самые разнообразные слухи, сплетни, самые дикие утверждения, рассчитанные лишь на полное незнание династических законов, российской и зарубежной истории. Но порой эта кампания приобретает почти академические формы, и противники Дома Романовых пытаются оперировать реальными фактами, нормами права. Такой попыткой дать альтернативную картину нынешнего состояния династии стала и книга Михаила Назарова "Кто наследник Российского Престола?" (М. "Русская идея", 1996).

В приложении к этой работе публикуются многие важные документы, малоизвестные широкому читателю, в том числе полный текст двух первых разделов "Основных государственных законов", включая законы о престолонаследии и "Учреждение об Императорской Фамилии". Но при анализе этих проблем автор предпочитает опираться не на эти тексты, а на их интерпретацию в сочинениях двух-трех эмигрантских юристов "антикирилловского" направления и собственными представлениями о "моральном кодексе государя".

Один из моих знакомых, прочитав книгу Назарова, резюмировал: если верить автору, никто из нынешних Романовых прав на престол не имеет, но особенно не имеют прав на престол потомки Великого Князя Кирилла (т.е. те единственные, кто и олицетворяет сейчас династию). Именно против них, тех, кто "особенно не имеет", и направлена эта книга, как и предшествующая публикация автора в журнале "Москва", как и статьи на ту же тему в журнале "Держава" и некоторых других изданиях, как и недавно проведенная в Петербурге конференция, посвященная 80-летию отречения от престола Императора Николая II.

Как видно из ст. 53 "Основных законов", "по кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о престолонаследии, присваивающего Ему сие право. Вступление на Престол Императора считается со дня кончины Его предшественника". Коронавание и миропомазание совершаются "по вступлении на престол". Известны императоры, не успевшие короноваться (Иоанн VI, Петр III), остальные были венчаны на царство чаще всего лишь через год или два после вступления на престол, что отнюдь не мешало им править обширной империей (а в свое время был торжественно венчан и помазан на царство Лжедмитрий вместе со своей польской супругой Мариной Мнишек). Разумеется, сам обряд коронации глубоко символичен, он имеет колоссальное религиозное значение, но не он, а наследственное право дает старшему в роде Романовых императорский титул и власть. Попытки рассматривать возможных претендентов на престол с точки зрения их пригодности для церковного сана и помазания (а где тот безгрешный, способный быть здесь судьей?) или в зависимости от тех или иных действий или высказываний этих лиц уводят от закона в область эмоций. И подавляющее большинство аргументов, упорно повторяемых в книге Михаила Назарова, отнюдь не юридического характера. Например, законы о престолонаследии предоставляют членам Императорского Дома (как и всем прочим мирянам) право на развод и повторный брак "по точной силе церковных узаконений". А вот Назаров считает, что разведенный или женатый на разведенной не достоин вступить на российский престол (и приводит этот аргумент неоднократно), хотя в законах об этом нет ни единого слова. И таких "дополнительных требований" автор придумал немало, строго отчитывая Великих Князей и даже Императоров (в том числе Александра II) за "аморальное поведение" и прочие провинности.

Но главный отрицательный герой книги - Кирилл Владимирович, и уж его автор разбирает "по косточкам". Оказывается, это был совсем плохой Великий Князь. Прежде всего матушка у него была лютеранка, православие приняла поздно (в 1908 г.). Это, кстати, старый тезис "антикирилловской" пропаганды, весьма наивный. Действительно, "Учреждение об Императорской Фамилии" требовало от невесты лица, "могущего иметь право на наследование Престола", принять православие (относилось это к ближайшим, предполагаемым наследникам престола - на практике, при Александре III, к его детям). А согласно ст. 184, "по изволению царствующего Императора, Члены Императорского Дома могут вступать в брак как с особами православного исповедания, так и с иноверными"; а брак родителей Кирилла был совершен с благословения Императора Александра II. Автор, разумеется, умалчивает, что и Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, ныне причисленная православной церковью к лику святых, вступая в брак с Великим Князем Сергеем Александровичем, была лютеранкой и перешла в православие лишь несколько лет спустя. Лютеранкой осталась до самой смерти жена Великого Князя Константина Константиновича (поэта К.Р.), Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна, а между тем в 1911 г. их дочь Татьяна при вступлении в брак формально отреклась, как сказано в именном указе Николая II, "от принадлежащего Ей как члену Императорского Дома права на наследование Императорского Всероссийского Престола". Между тем М.В.

Назаров, упоминая об отречении Татьяны, пишет, что все Константиновичи не имели прав на престол"... Вот только Государь Император почему-то и не подозревал об этом важном обстоятельстве.

Кроме того, своих уже "несуществующих" прав на престол Кирилл был, оказывается, лишен Николаем II в 1906 г. В качестве доказательства представлено факсимиле резолюции на докладе о браке Кирилла с его двоюродной сестрой, принцессой Викторией Федоровной Саксен-Кобург-Готской (внучкой, по материнской линии, Александра II).

Можно легко доказать, что браки между двоюродными родственниками порой допускались и Русской Православной Церковью (приведу хотя бы пример одной известной московской семьи, князей Туркестановых: в начале XX в. князь Дмитрий Петрович, родной брат известного святителя митрополита Трифона, был женат на дочери своего родного дяди князя Георгия Николаевича Туркестанова, у них были дети, и никто не оспаривал их права), да и сам этот запрет был основан на неверном переводе постановлений Вселенских соборов; М.В. Назаров об этом слышал, но не желает принять к сведению. Нетрудно показать, что лишение члена Императорской Фамилии прав на престол в принципе противоречило закону о престолонаследии (принятому как раз для того, чтобы исключить произвол в этом вопросе), что государственные акты, в том числе и Высочайшие резолюции, требовали должного юридического оформления (и нам известны случаи, когда подобные резолюции на докладах не считались окончательными). И автор об этом прекрасно знает. Ведь в книге приведена обширная "Мемория" высочайше учрежденного совещания (в составе высших сановников Империи), где лишь меньшинство (готовое выполнить любое желание Государя) признавало допустимым устранение Великого Князя Кирилла Владимировича от престолонаследия без его согласия. Большинство, во главе с председателем Государственного Совета Фришем и министром иностранных дел Извольским, вынуждено было почтительно указать Николаю II, что "в законе... не предусмотрено принудительное безвозвратное или временное лишение Члена Императорского Дома прав на престолонаследие вследствие каких-либо обстоятельств". И это не случайный пробел, а объясняется теми общими побуждениями, кои послужили основанием к изданию упомянутого государственного акта и заключались, как видно из самого его текста, в том, чтобы "наследник был назначен всегда законом самим". Признавая, что "только такой, исходящий от самого Великого Князя Кирилла Владимировича акт будет по нашим основным государственным законам иметь юридическую силу", они писали, что "при этом само собою разумеется, что отречение... должно быть непременно обнародовано во всеобщее сведение, дабы сделать это отречение невозвратным (Осн. гос. зак., ст. 38)". Председатель и другие члены комиссии почтительно отмечали, что "не могут не высказать... со всею необходимою в столь важном деле правдивостью, своего глубокого убеждения, что устранение, хотя бы и преслушного воле Монаршей Члена Императорской Фамилии, без его на то согласия, от прав на престолонаследие должно поколебать незыблемость коренного закона Империи о порядке наследования Престола".

Но Назарова эти аргументы не убеждают: он лишь удивляется, что высшие сановники империи и сам Николай II "не вспомнили" (!) о вероисповедании матери Кирилла в качестве аргумента, лишаящего его права на трон.

Трудно отрицать очевидное - 15 июля 1907 г., как вынужден сказать и Назаров, "государь под давлением родственников признал этот брак", повелев в указе Сенату "супругу Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича именовать Великою Княгинею Викториею Федоровною", а их дочь Марию Кирилловну "признавать княжною крови Императорской, с принадлежащим правнукам Императора титулом Высочества". Назаров пишет, что "в этом указе ни слова не сказано о восстановлении права Великого князя Кирилла на Престол" (хотя понятно, что речь здесь идет не о правах его самого, принадлежащих от рождения, а о правах жены и дочери, Высочайше признанных). На этом конфликт исчерпан, брак признан, права потомства от этого брака, его принадлежность к Императорской Фамилии, гарантированы. Двумя годами позже, в 1909 г., Николай II стал (заочно) крестным отцом их младшей дочери - княжны императорской крови Киры Кирилловны (соответствующая запись внесена в метрическую книгу Российского Императорского Дома), в том же году государь разрешил Кириллу вернуться на родину и вплоть до самой революции поддерживал с ним нормальные родственные отношения. Правда, как считает Назаров, в 1917 г. Кирилл в третий раз потерял ранее не существовавшие и отнятые в 1907 г. права на престол, якобы подписав "акт об отречении". Под таким названием Назаров публикует частное письмо Кирилла Великому Князю Николаю Михайловичу, в котором сказано только: "Относительно прав наших и в частности моего на Престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого Князя Михаила Александровича", т.е. Кирилл отмечает, - что солидарен с позицией Великого Князя Михаила (отнюдь не отрекшегося от престола, а лишь заявившего, что решение вопроса о государственном устройстве России в тот момент он доверил будущему Учредительному собранию - как известно, разогнанному большевиками и не принявшему никаких решений). Разумеется, присутствует в книге и легендарный "красный бант", и "измена государю" в марте 1917 г. А глава о деятельности Кирилла в

эмиграции называется "Ватикан, масоны, большевики"; кроме того, Кирилл, оказывается, состоял еще в союзе с Гитлером и с американским еврейским капиталом...

Итак, "трижды не имеющий прав на престол", да еще и "утративший на него моральное право" Кирилл был отцом Великого Князя Владимира, о котором у автора тоже есть что сказать. Нам вовсе не доставляет удовольствия повторять и опровергать тезисы господина Назарова, но все же в общих чертах продолжим его логическую линию. Итак, Великого Князя Владимира Кирилловича он не признает наследником престола (лишь сокрушаясь, что в свое время его таковым признавала большая часть русской эмиграции); но и брак его самого в соответствующем параграфе книги именуется "сомнительным". Это выражение в заголовке следует признать чистым кокетством, так как семья супруги Владимира Кирилловича - Великой Княгини Леониды Георгиевны (урожденной княжны Багратион-Мухранской) и вообще Грузинский Царский Дом по многим причинам не соответствует высоким династическим требованиям господина Назарова. А в примечаниях автор в качестве "вопросов для исследователей" повторяет кощунственную сплетню о браке с Берией сестры Леониды Георгиевны (проведшей 8 лет в сталинских лагерях!), говорит о происхождении ее матери Елены Сигизмундовны Злотницкой, дочери польского дворянина из старинного рода, женатого на грузинской княжне Эристовой, праправнучке царя Ираклия II (ее документированная родословная неоднократно публиковалась и автору хорошо известна) - якобы из "еврейской семьи", и т.д.

Далее речь идет о браке Великой Княжны (ныне Великой Княгини) Марии Владимировны с принцем Прусским, в православии Великим Князем Михаилом Павловичем, и о рождении у них сына, Великого Князя Георгия Михайловича.

[Поскольку вопрос о династической фамилии Великого Князя Георгия Михайловича поднимается многими противниками этой семьи, напомним, что имя Романовых с 1762 г. носит потомство старшей дочери Императора Петра I - Великой Княжны Анны Петровны, герцогини Голштейн-Готторпской. Императоры Петр III, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II, носившие династическую фамилию Романовых, по мужской линии являлись представителями немецкого рода герцогов Голштейн-Готторпских (происходивших от графов Ольденбургских), и более того, происходили от родной сестры шведского короля Карла XII (странно, что "истинно-патриотические" противники династии еще не устремили в этом обстоятельстве основную причину всех несчастий нашего Отечества...). И в других странах Европы при переходе престола по женской линии, как правило, сохранялось родовое имя прежней династии. Никому в Англии не придет в голову объявить "греком" принца Уэльского Чарльза, сына королевы Елизаветы от брака с греческим принцем, и приписывать ему фамилию Глюксбургов. Нынешний Великий герцог Люксембургский Жан и его семья носят династическую фамилию Нассау (принадлежавшую его матери), хотя по прямой мужской линии происходят из куда более знаменитого дома Бурбонов. При переходе прав на престол по женской линии, разумеется, потомство сохраняет династическую фамилию. Это, кстати, было предусмотрено и по брачному договору Великой Княгини Марии Владимировны 1976 г., в котором Великий Князь Владимир Кириллович установил, с согласия своего зятя, "чтобы, во исполнение наших российских династических законов, мои внуки носили в качестве первой мою фамилию - Романов, и титул - Великий Князь или Великая Княгиня, с последующим присоединением фамилии и титула моего зятя - принцы Прусские, так как дети продолжают Российскую Императорскую Фамилию и унаследуют мои династические права вслед за моей дочерью". Кстати, та же фамилия Романов - значится в российском паспорте Великого Князя Георгия Михайловича (семья Великого Князя Владимира Кирилловича, в отличие от других потомков Романовых, никогда не приняла иностранного подданства и после падения коммунистического режима они получили паспорта граждан России). И называть его "принцем Прусским" и "Гогенцоллерном" можно с тем же успехом, как царевича Алексея Николаевича - принцем Голштинским, а Императора Николая II - наследником Норвежским и герцогом Сторнмарнским, Дитмарсенским и Ольденбургским (хотя эти наследственные звания со времен Петра III по традиции входили и входят в "большой титул" российских Государей).

При этом приводится ошибочное утверждение, будто бы прежде русские Великие Княжны "всегда принимали титулы и фамилии своих мужей-иностранцев" - тогда как в действительности во всех русских документах они носили титул Великих Княгинь (достаточно заглянуть в ежегодно издававшийся до революции "Придворный календарь").

Родная прабабушка Великой Княгини Марии Владимировны, дочь Александра II Великая княжна Мария Александровна, выйдя замуж за английского принца герцога Эдинбургского (впоследствии владетельного герцога Саксен-Кобург-Готского), разумеется, в списках Российского Императорского Дома после замужества именуется Великой Княгиней. Из всех замужних представительниц династии в "Придворном календаре на 1917 год" только Ольга Константиновна носит иностранный титул вдовствующей королевы Эллинов (лишь более высокий титул по русскому придворному протоколу заменяет великокняжеский).

М.В. Назаров признает, что в настоящее время уже нет мужских потомков Романовых, "отвечающих всем требованиям Основных Законов", и, видимо, не испытывает особого энтузиазма к мorganатическим потомкам династии (организовавшим так называемое "Объединение Дома Романовых"). Казалось, после этого стоило поговорить о прямых наследниках престола по женской линии. Ведь закон четко указывает, что "Когда пресечется последнее мужское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем к Престолу, и в оном следует тому же порядку, предпочитая лицо мужское женскому; но при сем не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло". Если уж господину Назарову так нелюбезны "Кирилловичи", то во многих европейских династиях существует потомство русских Великих Князей, вплоть до дочерей Императора Павла I (желающим подробнее познакомиться с этим вопросом можно порекомендовать недавно опубликованную в газете "Modus vivendi" обстоятельную статью Геннадия Алексеева "Российское престолонаследие. Кто стоит в очереди на престол?", в которой рассказывается о возможных наследниках "второй очереди", после Великой Княгини Марии Владимировны и ее сына, начиная с принцев Лейнингенских - потомков старшей дочери Императора Кирилла, Марии), очередность их прав на престол (разумеется, после потомства Государя Владимира Кирилловича, его дочери и внука) четко определена тем же законом. Но хотя Назаров и не отрицает (отрицать это было бы невозможно), что закон предоставляет им право наследования престола (при определенных условиях, одним из которых является переход в православную веру того лица, до которого дойдет очередь, т.е. наследовать престол может даже иностранный принц, рожденный и воспитанный в иной вере; лишь при его формальном отказе принять православие права на престол переходят следующему потенциальному наследнику), но лично его гипотетическая возможность появления "наследника-иностранца" не вдохновляет. И далее следует основной вывод, ради которого, собственно, и написана эта книга: "может встать и такой вопрос: в какой мере Основные Законы Российской Империи вообще выполнимы в полном объеме сейчас, в конце XX века", и тогда изменить закон правомочен... разумеется, пресловутый "Земский собор", который может "исходить не из верности Династии", а из собственных представлений о том, какая монархия и какой монарх нужны русскому народу. По мысли Назарова, Земский собор правомочен принять и решение о "смене династии". Этот вывод понятен, для того и писалась книга; непонятно только, стоило ли в таком случае вообще тратить силы на изучение "устаревших" законов Российской Империи...]

Когда Назаров пишет, что Кирилл Владимирович не имел прав от рождения, затем был лишен их, а потом и отрекся от них же, предварительно потеряв на них же моральное право, а его сын Владимир Кириллович не имел прав на престол от рождения, кроме того, утратил на них моральное право, да и не мог передать их дочери, так как заключил брак в греческой, а не в русской церкви (а некоторые единомышленники Назарова, в частности, петербургский генеалог-любитель Р.Г. Красюков, добавляют, что дочь Владимира Кирилловича от рождения не имела прав на престол, но сын ее не имеет прав на престол не поэтому, а потому, что его прадедушка по отцу император Вильгельм II был нехороший человек) - понимаешь, что исходный тезис в этой непрерывной цепи "отрицания отрицания" - финальный вывод, сделанный изначально. Все остальные исторические, юридические и "моральные" аргументы и аргументики - лишь попытка обосновать нелюбовь к тем, кто вопреки всем этим доводам сохраняет в своих руках исторический штандарт Российской Империи. Честнее было бы сказать, как небесный герой старого анекдота несчастному мужику, вопрошавшему "За что!?" после десятого пожара избы: "Ну не люблю я тебя!"

У нас нет возможности перечислить многочисленные мелкие биографические неточности, особенно частые в родословной Романовых, другие ошибки автора (осуществив "чистку" династии, он посмертно "лишил" прав на престол не только многочисленных Великих Князей и Князей Крови, рожденных от неправославных матерей, но и сосланного в Ташкент Великого Князя Николая Константиновича, поступив с ним суровее, чем сам Александр III). Вряд ли имело бы смысл подробно останавливаться на содержании книги Михаила Назарова (вышедшей небольшим тиражом), если бы не определенный общественный резонанс, который она могла получить после публикации в "Независимой газете" похвальной рецензии (автор которой, кстати, каким-то образом умудрилась перепутать Великого Князя Владимира с его отцом), и если бы не появившаяся почти одновременно в нескольких газетах информация о петербургской конференции, организованной (как не раз открыто заявляли ее устроители) с целью приурочить к печальному 80-летию юбилею отречения Николая II "похороны Дома Романовых". Эти события, книга, конференция, газетные публикации показывают, что вопросы русского престолонаследия все еще сохраняют актуальность и будоражат умы, а противники династии намерены продолжить свою "священную борьбу" против двух женщин и юноши, олицетворяющих сейчас Российский Императорский Дом.

В "лучших традициях" советского времени организуется некая кампания в печати, на телевидении. В качестве дополнительного козыря используются популярные имена. И вот уже "сам" академик Дмитрий Сергеевич Лихачев убежденно объявляет журналистам, что "принц Георгий Прусский не имеет никаких прав на российский престол". Вот только хочется спросить знаменитого специалиста по древнерусской

литературе: «Вы действительно нашли время специально изучать русское династическое право XIX-XX вв., законы Российской Империи или поступаете по принципу: "Я Пастернака не читал, но скажу"? А если бы Вам доказали, что имеет, как бы Вы отнеслись к восстановлению прав этой семьи?»

Очевидно, как человек честный Дмитрий Сергеевич Лихачев и тогда ответит, что не считает это справедливым, потому что (и далее будет сказано о воле народа, демократии, недостатках российского самодержавия). Внутренне протестуя против самой возможности возрождения монархической идеи, ее противники поступают как воинствующие атеисты, которых раздражает само существование церкви (а тут все доводы хороши: и церковь кривая, и поп пьяница, и староста вор, и прихожане разбойники).

Независимо от того, как сложатся в будущем судьбы нашего Отечества, находясь далеко в стороне от современных политических игр (в которые порой пытаются втянуть представителей династии противоборствующие партии), Романовы и теперь олицетворяют великое прошлое Государства Российского. И разве не справедливо было бы избавить их от нападок и клеветы, проявить уважение к исторической миссии этих людей, сумевших "не дать свече угаснуть", и наконец позволить им достойно вернуться в Отечество?

Станислав ДУМИН

кандидат исторических наук,

председатель Историко-Родословного Общества в Москве

13.05.97

(Недавно найденный документ в Российском госархиве.
ДНВ.)

«Разрешив сыну Моему Великому Князю Владимиру Александровичу вступить в брак с Ея Великогерцогским Высочеством Герцогинею Мариею Мекленбург-Шверинскою; и изъявляя согласие, чтобы Ея Высочество Герцогиня Мария, по особым семейным Ея обстоятельствам, не была обязана при предстоящих обручении и браке воспринять Православное исповедание, - Я признаю за благо установить в настоящем Фамильном Акте, для неперменного, в будущем, исполнения, следующую, в отношении сего брака, правила. 1. Если, по неисповедимой воле Божией, наследие Престола перешло бы к сыну Моему Великому Князю Владимиру Александровичу, а Супруга Его до того времени оставалась в лютеранском исповедании, то сын Мой Великий Князь Владимир Александрович, по разуму ст. 142^а Основных Законов, не иначе может получить право на Престолонаследие, как по восприятии Его Супругою Православного исповедания; 2. Если бы Супруга Великого Князя Владимира Александровича, при переходе к Нему права Престолонаследия, не восприняла Православного исповедания; то Он должен быть признаваем добровольно отречшимся от означенного права, с точным соблюдением постановлений, содержащихся в ст. 15^а и 16^а Основных Законов; 3. Если бы, по неисповедимой воле Божией, Супруга Великого Князя Владимира Александровича, не восприняв Православного исповедания, кончила жизнь прежде перехода к Нему права Престолонаследия, - то, за прекращением Его брака с лицом иноверного исповедания, Он сохраняет право на наследование Престола; 4. В случае, указанном выше в ст. 2^а об отречении Великого Князя Владимира Александровича, равно если бы, по неисповедимой воле Божией, Великий Князь Владимир Александрович кончил жизнь до восприятия Супругою Его Православного исповедания, - дети, от брака сего рожденные, сохраняют все права Престолонаследия, Членам Императорского Дома принадлежащая, по порядку установленному в Основных Законах.

Александр¹

Цесаревич Александр²

Владимир³

С. Петербург, 16-го августа 1874 года

¹ Александр II

² Александр III

³ В.К. Владимир Александрович